

Был понедельник, три часа пополудни; июльский день выдался солнечным и жарким, с моря долетал освежающий ветерок, и в воздухе пахло свежескошенной травой. От гребня холма, по которому проходила дорога на Карн-Эдвор, земля полого спускалась к скалистому побережью. Куда ни глянь, повсюду расстилались фермерские уголья, разбитые на небольшие участки, — они напоминали заплатки с оборками желтого утесника. Кое-где из земли выступали гигантские гранитные валуны. Вирджиния подумала, что склон холма напоминает лоскутное одеяло: зеленый бархат пастбищ, золотая парча выкошенной стерни, розоватое свечение поднимавшейся к солнцу кукурузы, мягкие пушистые венчики которой так и хотелось погладить рукой.

Было очень тихо. Однако стоило ей закрыть глаза, как ее обступили звуки летнего дня, которые, один за другим, стал различать слух. Нежная песенка ветра, колыхавшего заросли

папоротника. Гул автомобиля, карабкавшегося вверх по холму от Порткерриса: водитель переключил передачу и продолжил подъем. Где-то вдалеке работали комбайны — успокаивающий мерный шум моторов напоминал жужжание пчел. Открыв глаза, Вирджиния увидела их: ярко-красные, с такого расстояния они напоминали игрушечные машинки, которые Николас катал по ковру у себя в детской.

Приближающаяся машина, двигаясь очень медленно, перевалила через гребень холма; все, кто сидел в ней, включая водителя, высунулись в открытые окна, чтобы полюбоваться открывающимся видом. Лица их были красными от загара, стекла очков сверкали на солнце, толстые руки выпирали из рукавов: казалось, машина набита под завязку. Когда она проезжала мимо пяточка, где Вирджиния оставила свой автомобиль, одна из женщин, сидевших на заднем сиденье, подняла голову и увидела, что она смотрит на них со склона холма. На какое-то мгновение их взгляды встретились, а потом машина проехала мимо, свернула за поворот и направилась дальше, к Лендс-Энду.

Вирджиния взглянула на часы. Четверть четвертого. Она вздохнула и поднялась на ноги, отряхнула травинки и веточки папоротника со своих белых джинсов и зашагала вниз по склону к дороге. Кожаное сиденье машины раскалилось, как сковорода на плите. Вирджиния завела мотор и поехала назад в Порткеррис, вызы-

вая в памяти знакомые картинки. Ей виделись Николас и Кара, запертые в непривычной лондонской детской, откуда они выходят разве что с няней на прогулку в Кенсингтонский сад или с бабушкой в зоопарк и Музей старинных костюмов да еще изредка в кино, на фильм, который та сочтет для них подходящим. В Лондоне сейчас наверняка очень жарко, душно и полно народу. Интересно, сводили ли Николаса к парикмахеру? Она подумала, будет очень кстати купить ему игрушечный комбайн и отправить подарок по почте, сопроводив его назидательным материнским посланием:

Сегодня я видела, как три таких комбайна работали на поле в Ланьоне, и подумала, что тебе наверняка понравится эта модель, потому что с ее помощью ты поймешь принцип их работы.

Такое письмо леди Кейли, одобрительно кивая головой, с удовольствием прочтет Николасу, ведь он, мужчина до мозга костей, ни за что не станет разбирать материнский почерк, тем более что к его услугам всегда бабушка, готовая сколько угодно читать ему вслух. Вирджиния придумала и другое письмо, идущее от всего сердца:

Сыночек, без тебя и без Кары я совсем растерялась и не знаю, что мне делать. Я целыми днями катаюсь на машине, потому что больше

мне нечем занять себя, объезжаю места, где бывала когда-то. Сегодня я смотрела на комбайны и гадала, кто управляет этими гигантами, которые пакуют солому в тюки, напоминающие туго завернутые рождественские подарки.

Старые фермы с просторными амбарами и хозяйственными постройками растянулись на пять миль вдоль побережья, напоминая ожерелье из неограниченных камней, поэтому трудно было сказать, где заканчивалась Пенфолда и начинались соседние владения. Комбайны работали так далеко, что невозможно было разглядеть, кто сидит за рулем, или различить крошечные фигурки, которые шли за ними, складывая тюки соломы в штабеля, которые оставляли сушиться на жарком солнышке.

Она не знала, живет ли он по-прежнему в этих краях, управляет ли Пенфолдой, но в то же время не могла представить его ни в одном другом месте на земле. Мысленным взором, словно объективом фотокамеры, она приблизила изображение: фигурки выросли до натуральной величины, и Вирджиния увидела его — за рулем комбайна, в рубашке с короткими рукавами, обнажающими загорелые руки, с волосами, растрепавшимися от ветра. Почувствовав тревожный звоночек, она немедленно наградила его супругой — представила, как та в розовом хлопковом платье с голубым перед-

ником идет по полю с корзинкой, термосом с чаем и, пожалуй, фруктовым пирогом на десерт, а ноги у нее длинные и загорелые.

Миссис Юстас Филипс. Мистер и миссис Юстас Филипс из Пенфолды.

Машина преодолела последний подъем, и перед Вирджинией раскинулись белые песчаные пляжи, бухта и дальний мыс, а еще дальше — голубая чаша гавани, окруженная россыпью домов Порткерриса с высокой нормандской церковью.

Уил-хаус, где жили Лингарды, у которых остановилась Вирджиния, находился на противоположном краю Порткерриса. Туристка, оказавшаяся здесь в первый раз и незнакомая с местностью, поехала бы по главной дороге, проходящей через центр города, и наверняка застряла бы среди бесчисленных машин и толп отпускников, которые толкались на тротуарах, стояли на углах, поедая мороженое и выбирая открытки, или глазели на витрины с выставленными в них медными эльфами, керамическими русалками и прочими устрашающими персонажами, которые принято выдавать за сувениры.

Однако Вирджиния не была туристкой, поэтому свернула с дороги раньше, чем начались жилые кварталы, и двинулась по узкому проселку, обсаженному живой изгородью, который вился по холму близ городских окраин. Объездной путь казался длинным, однако через

туннель из диких рододендронов можно было выехать обратно на главную дорогу, оказавшись всего в пятидесяти ярдах от главного входа в Уил-хаус.

Миновав белые ворота, Вирджиния поехала по подъездной аллее между кустами эскаллонии, усыпанной розовыми цветами. Дом был в неогеогианском стиле, с приятными глазу пропорциями и портиком над главным входом. Подъездная аллея петляла между подстриженными лужайками и цветочными клумбами, источавшими густой аромат желтофиолей, а когда Вирджиния остановила машину в тени дома, раздался звонкий лай и Дора, старый спаниель Элис Лингард, выскочила из открытой входной двери, за которой обычно лежала на холодке в холле на натертом полу.

Вирджиния, ласково что-то приговаривая, погладила собаку по голове и прошла внутрь, по пути снимая темные очки, потому что после яркого солнечного света ей в доме показалось совсем темно.

Раздвижные двери на противоположном конце холла вели в патио на южной стороне, где всегда было солнечно и где Элис проводила почти все свое время, за исключением разве что самых суровых зимних дней. Сегодня жара заставила ее опустить бамбуковые жалюзи, и на стулья, обитые разноцветной парусиной, и низкие столики, на которых уже была расставлена чайная посуда, падала полосатая тень.

На столе в центре холла лежала сегодняшняя почта. Два письма для Вирджинии, оба с лондонским штемпелем. Она положила очки и сумочку и взяла письма. Одно от леди Кейли и одно от... Кары! В школе они уже учились писать; Вирджиния сразу узнала дорогой ее сердцу неровный почерк:

*Для миссис Э. Кейли,
через миссис Лингард,
Уил-хаус, Порткеррис,
Корнуолл*

Ни ошибки, ни помарки. Вирджинии стало интересно, справилась ли дочка сама, или ей пришла на помощь няня. С письмами в руке она пересекла холл и вошла в патио, где сидела хозяйка дома, изящно устроившаяся в шезлонге с работой в руках. Она шила чехол для диванной подушки и сейчас приметывала тесьму по краям квадрата из бархата кораллового цвета; чехол у нее на коленях напоминал гигантский лепесток розы.

Она подняла глаза:

— Вот и ты! А я-то гадала, где ты пропадаешь. Думала, застряла в пробке.

Элис Лингард было около сорока; высокого роста, с темными волосами, она была достаточно полной, но ее полноту скрадывали неожиданно длинные и изящные ноги и руки. Вирджиния считала ее своей старшей подругой:

ведь Элис по возрасту находилась где-то посередине между ней и поколением ее родителей. На самом же деле Элис являлась старым другом семьи и много лет назад, еще девочкой, была одной из подружек невесты на свадьбе матери Вирджинии.

Восемнадцать лет назад она тоже вышла замуж — за Тома Лингарда, тогда совсем молоденького юношу, который готовился взять на себя управление семейным делом, компанией «Лингард и сыновья», владевшей заводом строительного оборудования в близлежащем городке Фоберне. Под руководством Тома дело стало расти; он выгодно приобрел еще несколько компаний и теперь владел предприятиями от Бристоля до Сейнт-Джаста, концессией на добычу ископаемых, судостроительной верфью и фирмой, торгующей сельскохозяйственной техникой.

Детей у Лингардов не было, однако Элис обратила свои таланты хозяйки на дом и сад и за несколько лет превратила обычное незатейливое жилище в чудесный особнячок, а ее сад регулярно приезжали фотографировать корреспонденты журналов о садоводстве. Десять лет назад, когда Вирджиния с матерью прибыли в Корнуолл, чтобы вместе с Лингардами встретить Пасху, работы по благоустройству только начинались. За эти годы Вирджиния ни разу не бывала в Уил-хаусе и теперь, снова оказав-

шись здесь, с трудом узнала это место. Дом полностью переменялся: острые углы сгладились, контуры, словно по волшебству, смягчились. Подросшие деревья отбрасывали длинные тени на ухоженные газоны, которые тянулись вдаль, насколько хватало глаз. На месте старого огорода пышные кусты роз источали сладкий аромат, а там, где когда-то рядами росли бобы и кусты малины, сейчас раскинулись магнолии с кремовыми цветками и душистые азалии, поднявшиеся выше человеческого роста.

Тем не менее любимым детищем Элис было патио — уже не дом, еще не сад, но сочетающее в себе очарование обоих. В горшках буйствовала герань, а по шпалерам карабкались вверх пурпурные клематисы. Недавно Элис решила выращивать виноград, поэтому сейчас терзала друзей и книги по садоводству, обдумывая, как лучше за это взяться. Энтузиазм ее был неисчерпаем.

Вирджиния пододвинула к себе кресло и упала в него, удивляясь жаре и внезапно свалившейся на нее усталости. Она сбросила сандалии и положила ноги на оказавшийся очень кстати пуф.

— Я не ездила в Порткеррис.

— Не ездила? А я думала, что ты отправилась на почту.

— Мне просто нужны были марки. Ничего, куплю в другой раз. Там было столько народу

и автобусов, и все так толкались и потели, что у меня случился приступ клаустрофобии и я не стала останавливаться. Ехала себе и ехала.

— Я дам тебе марки, — сказала Элис. — Налить тебе еще чая?

Она отложила шитье и потянулась за чайником. Над чашкой поднимался пар: ароматный, освежающий.

— Молока или лимон?

— С лимоном чай вкуснее.

— И освежает лучше, на мой взгляд, особенно в такую жару. — Она протянула Вирджинии чашку и снова откинулась в кресле. — И куда же ты поехала?

— Я?.. О, в другую сторону...

— К Лендс-Энду?

— Не так далеко. Только до Ланьона. Оставила машину у обочины, забралась на холм, посидела среди вереска, любуясь видом.

— Чудесно, — сказала Элис, продевая нитку в иголку.

— На фермах уже собирают солому.

— Самое время.

— Он совсем не изменился, так ведь? Я имею в виду Ланьон. Ни новых домов, ни дорог, ни магазинов, ни кемпингов для туристов.

Она отхлебнула обжигающе горячий лапсан сушонг, а затем осторожно поставила чашку и блюдце на вымощенный плиткой пол рядом с креслом.

— Элис, Юстас Филипс по-прежнему в Пенфолде?

Элис оторвалась от шитья, сняла темные очки и внимательно посмотрела на Вирджинию. Ее темные брови заметно нахмурились.

— Почему ты спрашиваешь про Юстаса Филиппса? Вы знакомы?

— Элис, я и не думала, что у тебя такая плохая память! Вы же сами позвали меня, ты и Том, на то грандиозное барбекю у скал Пенфолды. Там было по меньшей мере человек тридцать, и я не знаю, кто организовал праздник, но все мы жарили колбаски на огне и пили пиво из бочонка. Не может быть, чтобы ты не помнила! И потом миссис Филипс угощала нас чаем у себя на кухне.

— Теперь я, конечно, вспоминаю. Холодно было до ужаса, однако и красиво тоже, и мы смотрели, как луна встает над Босковой-Хед. Да, помню. Кто же тогда устраивал вечеринку? Уж точно не Юстас, он только тем и занимался, что доил коров. Наверное, Барнетты. Он был скульптором и пару лет держал студию в Порткеррисе, а потом вернулся в Лондон. Его жена плела корзины, или пояса, или что-то вроде того, в фольклорном духе, и у них был целый выводок ребятишек, которые вечно бегали босиком. Праздники у них тоже были оригинальные. Наверняка это Барнетты... Надо же! Столько лет о них не вспоминала. И все мы ходили в Пенфолду. — Однако здесь память ее подвела.

Она недоуменно посмотрела на Вирджинию. — Или не все? Кто был на вечеринке?

— Мама не ходила. Сказала, это не для нее.

— И была права.

— Но я пошла, и вы с Томом тоже.

— Конечно. Нарядившись в свитеры и теплые носки. Следовало мне еще и шубу надеть. Но мы же говорили о Юстасе. Сколько тебе тогда было, Вирджиния? Семнадцать? Странно, что ты помнишь Юстаса Филипса после стольких лет.

— Ты не ответила на мой вопрос. Он все еще в Пенфолде?

— Поскольку ферма принадлежала его отцу, а до того отцу его отца и, насколько мне известно, отцу деда, разве может он смотать удочки и сбежать?

— Думаю, нет. Просто сегодня на ферме прессовали солому, и я подумала, не он ли сидит за рулем одного из комбайнов. Ты давно не встречала его, Элис?

— Мы с Томом вообще редко с ним видимся. Не потому, что имеем что-то против Юстаса, но, пойми меня правильно, он ведь обычный фермер, а Том стал настоящим бизнесменом, так что наши пути пересекаются нечасто. Разве что на охоте, когда стреляют зайцев, или в День подарков...¹ Вы понимаете, какие встречи я имею в виду.

¹ Праздник, который отмечается в Великобритании 26 декабря.

Вирджиния подняла с пола свое блюдо и чашку и стала рассматривать розочки, которыми они расписаны.

— Он женат, — произнесла она.

— Ты говоришь так, будто знаешь наверняка.

— Разве я не права?

— Не права. Он не женат. Бог знает почему. Мне он всегда казался привлекательным: вечно загорелый, этакий любовник леди Чаттерлей. Наверняка в Ланьоне перебивало немало томящихся по нему барышень, однако ни одной не удалось завоевать его сердце. Видимо, ему и так хорошо.

Жена Юстаса, порожденная ее воображением, так же быстро растаяла — видение, унесенное холодным дуновением реальности. Вместо этого Вирджиния представила себе кухню Пенфолды, неприбранную и безрадостную, с остатками ужина, брошенными на столе, тарелками в раковине и пепельницей, полной окурков.

— Кто же заботится о нем?

— Понятия не имею. Его мать умерла несколько лет назад, и мне кажется... Впрочем, я не знаю. Может быть, хорошенькая служанка или любовница, которая не против взять на себя домашнее хозяйство. Я действительно не знаю.

И не желаю знать — говорил ее тон. Она закончила пришивать шелковую тесьму, закреп-

пила шов несколькими плотными стежками и, слегка потянув, оборвала нить.

— Ну вот, готово! Божественный цвет, не правда ли? Но для шитья сейчас слишком уж жарко. — Она отложила чехол в сторону. — Дорогая, думаю, мне пора пойти и посмотреть, что у нас сегодня на ужин. Что ты скажешь насчет вкуснейшего свежего лобстера?

— Скажу, что он будет очень кстати.

Элис поднялась во весь свой немалый рост, как башня возвышаясь над Вирджинией.

— Ты видела свои письма?

— Да, они здесь.

Элис наклонилась, чтобы взять чайный поднос.

— Я тебя покину, — сказала она, — чтобы ты их спокойно прочла.

Оставив самое приятное напоследок, Вирджиния первым открыла письмо от свекрови. Конверт был голубым, с тонкой темно-синей подкладкой. Почтовая бумага плотная, тисненый адрес черными буквами вверху листа.

32 Велтон-Гарденс, Южный Уэльс, 8

*Моя дорогая Вирджиния,
надеюсь, ты наслаждаешься этой удивительной погодой: тепло, выше тридцати градусов. Думаю, ты плаваешь в бассейне Элис, ведь это так удобно, когда не нужно всякий раз ездить на пляж, чтобы искупаться. Дети прекрасно себя*